

Художник изобразил и алчность титулярного епископа, и то, как священник, кричавший, что он ученик епископа, был схвачен. Картина сопровождалась подписью: «Вы, невежды, не достойны судить меня — это может сделать только Инквизиция!»

Затем последовал фирменный чёрный юмор английского репортёра: этот высокомерный священник и титулярный епископ, конечно же, предпочли бы предстать перед судом Инквизиции. Как будто кто-то не знает, что титулярный епископ как раз и возглавляет Бристольское отделение Инквизиции.

— Не скажешь, будто этот ученик ненавидит своего наставника, — заметил Август, разглядывая газеты, которые в одночасье заполнили улицы.

— А откуда ты знаешь, что не ненавидит? — парировал Рафаэль.

— Что? — Август замер, его голубые глаза выразили полное недоумение.

План Рафаэля, разумеется, не мог зависеть от случайностей. Ни один этап. Если говорить прямо, то с самого начала — с того чрезмерного карнавального представления — всё было частью его замысла.

Даже то, что титулярный епископ на карнавальном банкете лично разрешил молодым монахам выйти развеяться, Рафаэль предусмотрел. Он даже подготовил свидетелей — несколько высокопоставленных особ, которые «случайно» подслушали эти слова. Пока что эти аристократы не давали интервью газетам, но, судя по всему, скоро они сами начнут говорить.

Когда стена рушится, все спешат дать ей последний толчок. Знать, которой вечно нечем заняться, только и ищет, как бы привлечь к себе внимание, и уж конечно не упустит возможности поучаствовать в обсуждении такого громкого дела.

Возвращаясь к ученику епископа.

— Он сделал для своего патрона немало, и это ему заслуженно аукнулось. Но даже у негодяев есть свои принципы, черта, через которую переступить нельзя, — объяснил Рафаэль, найдя главную точку противостояния между епископом и его учеником.

У ученика А была горячо любимая родная сестра, которую изнасиловал и убил ученик Б. Ученик А долго искал убийцу, и главным подозреваемым был ученик Б, известный своим склонностью к малолетним и уже пытавшийся однажды увести его сестру. Но доказательств не было. Рафаэль предоставил ему и доказательства, и результаты расследования. Оказалось, что титулярный епископ помог ученику Б замести следы. Ученик А, всецело зависевший от епископа, конечно, ничего найти не мог. Епископ не мог из-за одного ученика А устранить ученика Б, поэтому предпочёл того прикрыть и дело замять.

Ученик А, столкнувшись с таким предательством, естественно, смириться не мог. Он поклялся отомстить не только ученику Б, но и титулярному епископу, который стал виновником того, что душа его сестры не смогла вознестись в рай.

— Сколько времени ушло на всю эту подготовку? — не удержался Август.

— Не так уж много, — равнодушно ответил Рафаэль. Он не притворялся — по сравнению с теми запутанными проблемами, что создавал Ричард II, дело титулярного епископа и впрямь казалось ему задачей средней сложности. — Я же говорил? С тех пор как в прошлом году приехал в Бристоль, наслушался всякого об этом епископе.

Полгода ожидания и подготовки для Рафаэля были пустяком. Ему даже не приходилось появляться лично — какая уж тут нагрузка?

Чтобы у Августа не возникло непрошенной жалости, Рафаэль добавил:

— Я ничего не выдумал. Каждое обвинение против него — сушая правда. Я лишь выставил его дела на всеобщее обозрение. Безо всяких прикрас. Титулярный епископ должен наконец ответить за содеянное.

— !!! — Неужели бывает что-то более совершенное?

Бывает.

Рафаэль мгновенно превзошёл сам себя:

— Великий пост — время, когда эта история будет набирать обороты, а потом понемногу сойдёт на нет. Когда знать выплеснет на епископа всю злость от запрета на мясо, твой благотворительный вечер после окончания поста просто не сможет не произвести впечатления.

Так он и перекрыл карнавальный банкет епископа, и не дал тому громкому скандалу затмить всё остальное.

Волнение Августа не знало границ. Если бы Рафаэль продолжил, тот, чего доброго, и впрямь решил бы предложить ему руку и сердце.

Разумеется, Август этого не сделал. Даже если бы он захотел «возместить добром», Рафаэль не обязательно бы согласился, верно? У Августа не было безошибочного чутья, чтобы определить, гей Рафаэль или нет. Но кем бы тот ни был, будучи столь безупречным, он наверняка искал бы партнёра, равного себе. В общем...

Коротышка-герцог, глядя на своё отражение в зеркале, тяжело вздохнул. Хватит мечтать. Уж точно не ты.

Кто станет заглядываться на такого ребёнка? Разве что извращенец.

Да и когда Август вырастет, между ними всё равно ничего не выйдет. Их связывали родственные узы, и если бы между ними что-то произошло, его вечно ворчащий отец точно бы сошёл с ума.

Дело титулярного епископа в итоге...

Разумеется, не передали в Инквизицию.

Инквизиция в Средние века изначально создавалась для борьбы с иноверцами, потом её полномочия расширились до еретиков (вроде ведьм), но уж никак не включали в себя рассмотрение должностных преступлений священнослужителей. Многие ошибочно принимали Инквизицию за нечто вроде минской тайной полиции, которая могла привлекать к ответу кого угодно, от императора до мелких чиновников. Но это было не так. Инквизиция оставила в истории Средневековья кровавый след, но занималась исключительно вопросами веры.

Иными словами, если только не обвинить титулярного епископа в вампиризме, Инквизиция не вмешается. Если же священник совершил преступление вроде взяточничества или убийства,

его должен судить обычный светский суд. В этом отношении священнослужители и миряне были равны перед законом, особых привилегий у первых не имелось.

Титулярный епископ изначально надеялся, что высокопоставленные церковные иерархи вмешаются и изменят вердикт суда.

Церковь... руководствуясь принципом «не выноси сор из избы», частенько помогала таким священникам скрыть грехи. Например, та же педофилия среди клира была столь распространена именно потому, что верхушка предпочитала замять дело, а порой и сам папа римский даровал прощение.

Однако на сей раз скандал получился слишком громким. Высшие церковные чины, в отличие от незадачливого епископа, проявили дальновидность и предпочли принести в жертву пешку, чтобы спасти короля. Более того, дабы вернуть доверие паствы, они публично заявили, что никоим образом не потерпят беззакония.

Епархиальный епископ, которого ранее оклеветали и упрятали в тюрьму, наконец-то смог триумфально вернуться. Можно сказать, именно он и стал главной движущей силой, свергнувшей титулярного епископа. Сам епархиальный епископ был молод и идеалистичен, неискущён в политических интригах, и ранее потерпел поражение от своего соперника. Отомстить собственными силами он не мог, но это не означало, что те, кто стоял за ним, были столь же бессильны. Этот скандал стал для них поистине подарком судьбы.

Чтобы избежать непредвиденных осложнений, ещё до окончания Великого поста титулярный епископ стал достоянием истории. Епархиальный епископ со льняными волосами вновь вступил в управление епархией и под одобрительные возгласы паствы поклялся быть добрым пастырем.

Приглашения на благотворительный прощальный бал, организованный от имени Августа, были разосланы всем, кому положено, и ответы уже начали поступать. Большинство подтвердили своё присутствие, те же, кто приехать не мог, лично извинились и объяснили причину, всячески давая понять, что это вовсе не из-за неуважения к герцогу и графу. Искренность их не вызвала сомнений.

Никто не хотел ссориться с Августом. Любой, у кого были глаза и уши, понимал, сколь велика была в те дни милость короля к герцогу Глостеру. Разве не показательно, что Ричард II даже отправил к нему своего самого доверенного Рафаэля?

И всё это — лишь чтобы помочь Августу с переездом.

До чего же сильно королевская семья благоволила к этому простодушному герцогу! Где же справедливость? Разве не должны были члены английской королевской фамилии быть готовы на всё ради трона? Пожалуйста, не меняйтесь! Сохраните эту славную традицию, дающую пищу для сплетен! Мы умоляем: оставайтесь верными своему образу!

В первый же день после снятия ограничений нарядно одетые аристократы в сопровождении дам и кавалеров начали съезжаться в лёгких каретах под лучами щедрого солнца. Отец Джо, вдохновлённый моментом, вышел на балкон и запел старинную народную песню. Его голос, сливаясь с ангельским хором мальчиков из церковного хора, создавал атмосферу утончённой красоты и... лёгкой печали.

Но это было прекрасно.

<http://bllate.org/book/15929/1424117>